«Дело Свердловского облисполкома»

Привилегированная жизнь «уральских вождей» в первой половине 1930-х годов

«Дело Свердловского облисполкома». Привилегированная жизнь «уральских вождей» в первой половине 1930-х годов

«The case of the Sverdlovsk Regional Executive Committee». The privileged life of the «Ural leaders» in the first half of 1930s

Аннотация. Рассмотрена система материально-бытового обеспечения руководства Уральской (Свердловской) области в первой половине 1930-х гг. Представлены многочисленные факты использования представителями властных структур служебного положения в целях материального обогащения. Обосновано, что пресыщенная жизнь высшего уральского начальства, материальное обогащение за государственный счет могли негативным образом отразиться на реализации планов индустриализации. Показано пресечение этих злоупотреблений.

Annotation. The system of material support of the leadership of the Ural (Sverdlovsk) region in the first half of the 1930s is being considered. The numerous facts of using their official position by representatives of the Ural local authorities for material self-enrichment are being shown. It has been substantiated that the satiated life of the highest Ural authorities, their material self-enrichment at public expense could negatively affect the implementation of plans for industrialization in the region. It is shown the suppression of these abuses.

Ключевые слова. Партийно-государственная система власти, коррупция, управленческие практики, Урал, И. Д. Кабаков.

Key words. Party and state system of the power, corruption, administrative practices, Ural, I. D. Kabakov.

1

С началом индустриализации на Урале возводились сотни промышленных предприятий, среди которых были металлургические и машиностроительные гиганты, создавались новые отрасли промышленности, коренной реконструкции подвергались старые заводы. Первый секретарь Уральского (с 1934 г. — Свердловского) обкома ВКП(б) Иван Дмитриевич Кабаков рапортовал о достигнутых успехах с высокой трибуны XVII съезда ВКП(б): «С тех пор, как на XVI партсъезде товарищ Сталин со всей силой выдвинул вопрос о размещении производительных сил страны, о создании на Востоке второй угольно-металлургической

СУШКОВ Андрей Валерьевич — старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург), кандидат исторических наук.

базы, прошел очень короткий срок — всего три с половиной года... Можно было бы перечислять промышленные узлы и заводы, построенные за эти годы на Урале, на протяжении 20 минут. Но я этого делать не буду, а только скажу, что за эти годы на Урале построено и пущено 200 предприятий, созданы... 23 отрасли промышленности!»

В качестве примера Кабаков с гордостью перечислял названия построенных за эти годы заводов и комбинатов: Березниковский химический комбинат, Челябинский тракторный завод, Магнитогорский металлургический комбинат, Уральский завод тяжелого машиностроения, — не преминув при этом напомнить присутствующим о заслугах уральской парторганизации [1. С. 246—247].

Однако неимоверными усилиями построенные и пущенные в эксплуатацию предприятия длительное время не могли преодолеть «детские болезни» становления. Серьезные проблемы преследовали и старые заводы, включая те, что подверглись коренной реконструкции. Высокий процент брака, выход из строя дорогостоящего оборудования, провал в выполнении планов — типичная картина на многих предприятиях. Колоссальные масштабы обрели аварии и пожары на заводах и шахтах, нередко сопровождавшиеся человеческими жертвами. Тяжелый труд, нетерпимые жилищно-бытовые условия, задержки зарплаты и недостаточное продовольственное обеспечение вызывали текучесть кадров: рабочие бежали в поисках более-менее сносной жизни, что негативно сказывалось на работе предприятий. Строительство многих других предприятий, включая такие крупные, как Уральский завод химического машиностроения в Свердловске, Новотагильский металлургический в Нижнем Тагиле, медеплавильный в Ревде, было заморожено [9. С. 54—55]. Экономика страны несла колоссальные убытки.

Аверкий Аристов, который в конце 1930-х гг., будучи зав. отделом и секретарем Свердловского обкома партии, принимал участие в завершении строительства и пуске в эксплуатацию Новотагильского металлургического завода, полагал, что в происходившем не было чьей-либо злой воли. А проблема заключалась в том, что для создания одновременно стольких промышленных гигантов не хватало ни средств, ни оборудования, ни рабочих рук [2. С. 4—5]. Безусловно, мнение современника индустриализации, кандидата технических наук, инженера-металлурга А. Б. Аристова, впоследствии возглавлявшего такие индустриальные регионы, как Красноярский край и Челябинская область, занимавшего высокие посты члена Президиума и секретаря ЦК КПСС, заслуживает уважения. Вместе с тем следует заметить, что советское руководство в 1930-е гг. столкнулось с дополнительными непредвиденными расходами, которые не лучшим образом сказывались на проведении в жизнь планов индустриализации.

В 1933 г. в нескольких десятках километров севернее Свердловска было развернуто строительство важного жилого объекта. Не в пример другим социальным объектам, его возведение, невзирая на труднодоступное, глухое место, велось ускоренными темпами, финансировалось в полном объеме, было обеспечено рабочей силой и вовремя снабжа-

лось необходимыми строительными материалами. Стройка была окутана завесой тайны.

Лишь немногим посвященным было известно, что на живописном острове Репном на Шитовском озере (другие названия — Шиты, Щиты) возводится дача первого секретаря обкома И. Д. Кабакова. В то время, когда в среднеуральских заводских поселках, включая ближайшее строительство Пышминского медеэлектролитного завода, рабочие мечтали выбраться из землянок и палаток, почитая за счастье обрести место в бараке, областной секретарь задумал возвести для себя и своих приближенных роскошные загородные резиденции. Невиданная по красоте, великолепная — так впоследствии оценивали внешний вид кабаковской дачи те местные жители, кому довелось ее увидеть. Вокруг дач на острове были разбиты аллеи. В районе в то время было плохо с дорогами, даже в зоне строительства завода, но для удобства «уральских вождей» силами заключенных и местных жителей, в основном женщин из близлежащих поселков (мужское население было занято на лесозаготовках), к озеру была проложена прямая многокилометровая дорога. На берегу сооружена пристань, с которой облеченных властью пассажиров на лодках-дощатках доставляли на остров, где они могли отдохнуть [6. С. 48—51; 7; 9. С. 60].

Сотрудники партконтроля и совконтроля, проверявшие деятельность хозяйственного управления Свердловского облисполкома, так описали увиденное: «хозупр вне плана начало строительство двух роскошных двухэтажных дач, рассчитанных на две семьи (по одной семье в каждой) на острове на озере Щиты в 40 килом[етрах] от г. Свердловска. На строительство этих дач (не включая оборудование) уже затрачено 470 тыс. руб. Несмотря на то, что строительство проводится вне плана и не выделены для него фонды на строительные материалы и оборудование, строительство проходило форсированными темпами: строительство начато в конце ноября 1933 г. и одна дача уже строительством и оборудованием почти закончена, а по второй даче остались незаконченными внутренняя отделка и оборудование. Дачи построены по типу роскошных дворянских имений и оборудуются в греческо-итальянском стиле с широкими барскими замашками (дворцовая мебель и посуда, завезенные из Ленинграда, водопроводы, особое центральное отопление в каждой даче, ванны, бильярдный зал, специальная площадка для отдыха на крыше дачи, множество балконов, широкие прямые лестницы к берегу озера прямо в купальню и т. д.). К этим дачам на расстоянии 13 километров прокладывается специальная дорога: вырублена просека и проводится насыпь земли и утрамбовка дороги. На этом берегу озера построен гараж на две автомашины и один большой жилой дом с надворными постройками для обслуживающего персонала. Переправа на остров к дачам производится на моторной лодке» [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28а. Л. 163—164, 226].

Проверяющие описали «царские дачи» в то время, когда те пребывали еще в стадии строительства — в августе 1934 г. Со слов местных жителей,

на острове были возведены не две, а три дачи. Дача Кабакова отличалась от двух других великолепием. Дом был трехэтажным, с резными балконами и террасами, с несколькими красивыми башенками и флюгером. Все его окна изготовлены из цветного стекла с прекрасными орнаментами, полы выложены цветным ковровым паркетом.

По крайней мере одна большая открытая терраса имела бетонные ажурные ограждения и бетонные столбики с цветочными чашами, на некоторых столбиках-постаментах располагались скульптуры. С террасы были сделаны несколько выходов к аллеям, которые терялись в зарослях острова. К берегу вела широкая бетонная лестница с гранитными ступенями и несколькими площадками. Низ лестницы упирался в большой Т-образный деревянный пирс, на углах которого стояли восьмиугольные резные беседки с островерхими крышами.

Большие работы на острове были проведены по преобразованию дикой природы в садово-парковую территорию. Вокруг дач стояли круглые мраморные столы, вдоль липовых аллей располагались изящные гипсовые скульптуры. На острове были сооружены фонтаны, установлены скамейки для отдыха, беседки и даже искусно спрятанные уборные.

Судя по воспоминаниям, иные строения, помимо дач, на острове отсутствовали. Обслуга и охрана располагались на берегу озера — там, где начиналась дорога, прозванная в народе «кабаковской». Там же в отдельном здании располагался дизельный электрогенератор, предназначенный для освещения дач и подсобных помещений. Электроэнергия поступала на остров по проложенному по дну озера кабелю [5; 7; 8].

Работники Балтымского хозяйства (в ведении которого были дачи на острове Репном) в 1930-х гг. жили в иных условиях, нежели уральские партийные «вожди». Об этом докладывали сотрудники партконтроля и совконтроля, проверявшие хозупр облисполкома: «В Балтымском хозяйстве рабочие бараки в совершенно нетерпимом состоянии: грязь, скученность, большое наличие паразитов и т. д. Вскрыты... факты обсчета рабочих» [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28а. Л. 210].

Место отдыха «уральских вождей» хорошо охранялось. Охрана располагалась как непосредственно на берегу озера, так и при въезде на «кабаковскую дорогу» с противоположной стороны, где была установлена специальная арка с деревянными воротами, несколько домиков и барак. Другие военизированные кордоны надежно защищали от чужих глаз не только озеро, но и его округу [6. С. 48; 7].

С большой долей вероятности можно утверждать, что одна из трех дач на Шитах принадлежала кабаковскому приближенному, председателю облисполкома Василию Федоровичу Головину. Ранее, до строительства дворцов на острове, дачи Кабакова и Головина на озере Балтым также располагались по соседству друг с другом. Предшественник Головина, председатель Уральского облисполкома Михаил Константинович Ошвинцев, в своем распоряжении имел сразу две дачи: одну — на Балтыме, вторую — на озере Шарташ. На обеих дачах за счет хозуправления облисполкома содержался обслуживающий персонал [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 76; Ф. 116. Оп. 2. Д. 1020. Л. 17 об.].

2

Хозяйственное управление Свердловского облисполкома, предназначенное для «материально-хозяйственного обслуживания» обкома и облисполкома и их работников, представляло собой крупную хозяйственную организацию с оборотами в миллионы рублей. В ведении областного хозупра состояли домоуправление с 12 домами (237 квартир), Второй дом советов (83 квартиры, где проживало главное областное начальство), столовые в обкоме, облисполкоме и Втором доме советов, дома отдыха на Шарташе и в Истоке с подсобными хозяйствами, Балтымские лесные дачи с собственной продовольственной базой. В состав хозупра входили подсобные предприятия (фотография, мастерские по ремонту одежды и обуви, парикмахерские, столярная и механическая мастерские), гаражно-конный двор и строительно-ремонтный сектор [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 101].

Большую статью расходов хозупра составляло продовольственное и промтоварное обеспечение прикрепленного контингента и членов их семей. Хозупр обеспечивал руководящих работников обкома и облисполкома бесплатными завтраками, в их распоряжении были столовые с обедами по льготным ценам. Большое количество продуктов и промтоваров распределялось бесплатно в виде так называемых посылок. Только за первые восемь месяцев на такие «посылки» было израсходовано более 230 тыс. рублей. В распоряжении руководства были мясные изделия, окорока, колбасы, сыры, масло, икра, конфеты и шоколад, мандарины, сухофрукты, печенье. Помимо основных продуктов питания, в «посылки» вошли 828 бутылок различных дорогих вин и 286 упаковок шоколада.

На квартиру председателя облисполкома Головина были доставлены вина на 732 рубля, включая редкие, произведенные в 1894-м и 1905 г. Вино на сотни рублей доставлялось на квартиры секретаря облисполкома Степанова, зав. отделом руководящих парторганов обкома Лапидуса, зав. торготделом обкома Мизенко, зам. председателя облисполкома Иконникова, секретаря Калатинского райкома Рода, секретаря Пермского горкома Корсунова, секретаря Златоустовского райкома Ессяка. Самые крупные суммы на продукты были затрачены, как и полагалось, на семьи первого секретаря обкома И. Д. Кабакова — более 3,5 тыс., и председателя облисполкома В. Ф. Головина — почти 3,9 тыс. рублей, не считая вина. Почти на 3 тыс. рублей продуктов получил второй секретарь обкома В. А. Строганов. Зав. отделом обкома Лапидус получил в общей сложности даже несколько больше Строганова, но 400 рублей в его «продуктовой корзине» заняло вино.

Среди промтоваров, доставленных на квартиры руководителей области, числились шесть патефонов, шесть чемоданов (четыре чемодана забрал себе зам. председателя облисполкома Иконников), семь костюмов, четыре плаща и пальто, четверо дамских рейтуз, три пары детских валенок и пр. Но гораздо большим спросом, нежели готовые изделия, пользовались ткани и материи — ведь в распоряжении больших

начальников и их жен находились пошивочные мастерские. Среди прочего, на квартиры были доставлены 57 м шелка, 27 м дорогого сукна и шерстяных тканей, 328 м различных других тканей. Огромным спросом пользовалась дорогостоящая кожа шевро, которой было выдано 1980 кв. дм. Жены руководящих работников заказали себе за этот период 16 флаконов духов и 18 коробок пудры [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 51—53, 93—94].

Руководящая верхушка в количестве 20—25 человек пользовалась дополнительными привилегиями. За счет средств хозупра им оплачивались пошив и ремонт одежды и обуви, ремонт часов, пользование радио, прокат пианино, оплата квартир, услуги парикмахерской, по стирке белья и уборке квартир. На это тратились десятки тысяч рублей. Кроме того, за год было бесплатно выдано меха для пошива на 6 тыс. рублей, различных товаров более чем на 10 тыс. рублей [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 91].

Председателю облисполкома В. Ф. Головину, хотя он и его семья состояли на бесплатном довольствии на даче, в течение семи месяцев 1934 г. были доставлены на квартиру бесплатно (не считая продуктов) патефон, радиоаппаратура на 297 рублей, драповое пальто за 350 рублей, различных меховых изделий на 1195 рублей, шаль, канцтовары. Плата за квартиру в размере 787 рублей также была внесена хозупром, последним же были оплачены и работы в портновской и сапожной мастерских на 1667 рублей, за пользование пианино и радио 345 рублей. Вдобавок Головину выданы денежные пособия: одно из хозупра — 1550 рублей, второе, 1000 рублей, от областной лечебной комиссии. Всего, по приблизительным и неполным данным, на Головина и его семью за семь месяцев 1934 г. было затрачено 11143 рубля, что втрое превышало его зарплату за тот же период времени [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 78].

Другие руководящие работники облисполкома вниманием хозупра также обделены не были. Так, секретарь облисполкома В. Степанов, хоть и не долгое время пребывал на этой должности, успел получить разных благ на 3 тыс. рублей.

Потребности «уральского истеблишмента» удовлетворялись быстро и в полном объеме. Выдача продуктов питания и алкоголя для пользующихся элитными дачами и домами отдыха производилась в том числе по запискам, которые обычно выглядели так: «Прошу отпустить: папирос — 10 п[ачек], вина 3—4 бут[ылки]. 15/I. А. Коган»; «Прошу отпустить: <...> коньяку 3 б[утылки], запеканки — 3 б[утылки], портвейн — 3 бут[ылки]. 19/I. Иконников». Некоторые записки отличались оригинальностью — как, к примеру, записка заместителя председателя облплана Вегнера: «Уважаемые граждане! Курить нечего и надо освежить усталый мозг свежестью плодов земли. А поэтому: никотин и витамины. Прошу распорядиться. Забытый гость “В”». Другой пользующийся услугами хозупра, заведующий Вторым домом советов Фирсов, написал: «Борис! Сегодня случай, о котором я совершенно позабыл. Если возможно, то подбрось в том

числе 2 б[утылки] белой и грушевой. Нужно к 6 часам». Все эти просьбы удовлетворялись, о чем на записках были сделаны соответствующие пометы [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 91—92].

Строгий учет распределения продуктов питания не велся, в силу чего продовольственные фонды разбазаривались. Заведующий хозуправлением Л. О. Капуллер, его заместитель Я. Н. Дорин и ответственный исполнитель по снабжению С. Т. Козьмин отдавали распоряжения о выдаче тех или иных продуктов «нужным людям» просто на словах [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 89].

3

Огромные материальные ресурсы и властные полномочия позволяли не экономить и не заботиться о сохранении выращенного в подсобных хозяйствах хозупра урожая. Выращенные овощи ссыпались в непригодные для хранения помещения и тару, в результате чего сгнили без малого 43 т картофеля, почти 4 т квашеной капусты, более 1,5 т соленых огурцов, 4 т лука и свыше 1 т других овощей.

Зачем было экономить, когда подведомственные райисполкомы в сельских районах выполнят, хотят они того или нет, любое указание из обкома или облисполкома. Как, к примеру, были укомплектованы стада пригородных хозяйств хозупра облисполкома? В системе Уралскотоводтреста было якобы закуплено скота на 6 тыс. рублей, но в реальности деньги хозяйства так и не увидели. То же произошло с Еманжелинским мясосовхозом, предоставившим двух быков-производителей стоимостью 3 тыс. рублей, и с хозяйствами Мишкинского района, предоставившими скот почти на 8 тыс. рублей. Шумихинскому району повезло больше: за скот стоимостью 9167 рублей хозупр облисполкома отпустил райисполкому материалов и товаров на 604 рубля — и тем ограничился [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 82, 84—85].

Эти суммы отнюдь не были неподъемными для свердловского хозупра. Вот какими средствами оперировали так называемые пригородные хозяйства хозупра (по данным, собранным бригадой партконтроля и совконтроля): «На пригородные хозяйства и содержание домов отдыха и фотографии на 1934 г. предусмотрено всего затрат на 2 620 927 руб. На покрытие которых хозуправлением облисполкома предусмотрено дотаций этим хозяйствам из средств хозупра 1 719 804 руб., в том числе Шарташскому пригородному хоз[яйст]ву и дому отдыха 752 000 руб., М[ало]-Истокскому хозяйству и дому отдыха 592 087 руб., и Балтымскому хоз[яйст]ву 375 717 руб. Фактически за 7 м[еся]цев 1934 г. хозупром отпущено этим хозяйствам в виде дотации всего 1 205 367 руб., в том числе Шарташскому хоз[яйст]ву и дому отдыха 722 300 руб., М[ало]-Истокскому хоз[яйст]ву и дому отдыха 260 094 руб. и Балтымскому хоз[яйст]ву 322 973 руб.» [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 85]. Хотя в данные партконтроля и совконтроля за 1934 г. вкралась ошибка на 100 тыс. рублей (разница между размером дотации на все хозяйства и той суммой, которая была распределена по статьям расходов), вполне

очевидно, что средств у хозупра было достаточно. Однако тратились они на иные цели.

Хозупр не считался с тратами, когда речь шла об удовлетворении запросов главного областного начальства. Расстояния, стоимость доставки грузов в расчет не брались. Шелковые ткани, например, стоимостью две с небольшим тысячи рублей, были доставлены самолетом. Из Москвы в Свердловск везли различные драгоценные вина, приобретенные в столичной гостинице «Гранд-Отель».

«Мебель и антикварные вещи закуплены на огромнейшие суммы, — докладывала бригада партконтроля и совконтроля о результатах проверки хозупра. — Для этой цели командировались люди специально в Москву и Ленинград. Драпировщик Безпрозванных сидел в Ленинграде 73 дня, несколько раз туда ездил Капуллер и Дорин. Мебель закупалась где попало: и в комиссионных магазинах, Ленпромторге, ЛСПО, покупалась и у частных лиц. При закупке средствами не стеснялись. Например, в Ленпромторге куплен кабинет за 12086 руб., 5 ковров за 7840 руб., буфет за 1330 руб., письменный прибор за 865 руб., одни часы за 798 руб. и т. д. В комиссионном магазине "КУЖД" куплен буфет за 1500 руб., письменный прибор за 650 руб., столовый и чайный сервизы за 1040 руб., одни часы за 845 руб. В ЛСПО куплен рояль за 3000 руб., медвежья шкура за 380 руб. Всего в Ленинграде в государственных и кооперативных организациях на закупку мебели израсходовано 75 тыс. руб. Кроме того, в отчете Безпрозванных имеется частная расписка граж[данки] Цепляевой на 9 тыс. руб. за проданную ею мебель для столовой. Вот ее счет: "Уралоблисполкому. Счет Цепляевой Пелагеи Кузьминичны (Ленинград, ул. Дзержинского № 32 кв. 15). Продана столовая красного дерева, состоящая из буфета, стол[а] обед[енного], 12 стульев и стола самоварного за девять тысяч рублей. Из этой суммы в виде задатка получено 2000 руб. (две тысячи) рублей. П. Цепляева. Получила сполна 7000 руб. (семь тысяч) руб. Цепляева. 3/VIII—33 г."» [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 88—90].

В одном из московских комиссионных магазинов в 1933 г. Капуллер приобрел дорогой американский патефон и пластинки к нему. За все заплатил 4,3 тыс. рублей. Патефон Капуллер доставил в Свердловск и передал в пользование В. Ф. Головину, а затраченную сумму предусмотрительно провел по документам 1932 г. (в надежде, что финансовые документы за этот год проверяться не будут) [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 179, 239].

Заведующий хозупром Леонид Осипович Капуллер был готов исполнить любой «царский каприз». В июне 1934 г. во время одного из совещаний в Свердловском облисполкоме, проходившем в кабинете то ли В. Ф. Головина, то ли заведующего облфинотделом И. Л. Хороша, подали бутерброды с ржаным хлебом. По поводу отсутствия пшеничного хлеба большие начальники принялись отпускать шутки. Капуллер это воспринял как руководство к действию. Управляющий Свердловской областной конторой «Заготзерно» Мухтаров, с которым Капуллер завел разговор о пшеничной муке, развел руками: мука есть только у соседей — в Челябинской области. Капуллер оперативно нашел выход. Он договорился

с работником комитета резервов Челябинского управления НКВД Тимофеевым о получении муки из Каменского района. От Свердловской конторы «Заготзерно» за подписью зам. управляющего Мухина в Челябинскую контору «Заготзерно» и Тимофееву были даны телеграммы об отгрузке в счет нарядов Свердловскому облисполкому пшеничной муки. Однако телеграммы были простой фикцией — никаких нарядов в действительности не было. Тем не менее челябинское «Заготзерно» и комитет резервов Челябинского управления НКВД дали наряд на муку, которая хранилась на Каменской мельнице Челябинской области. На выполнение важного задания были мобилизованы все имеющиеся в хозупре грузовики, которые доставили в Свердловск 24 т пшеничной муки. Тимофеев внакладе не остался: за труды от свердловского хозупра он получил бесплатно продуктов на 2600 рублей по твердым ценам [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 38, 69, 111, 150—151, 198].

До апреля 1934 г. в хозуправлении облисполкома действовал порядок, при котором ответственные работники обкома и облисполкома, получавшие в хозупре денежные средства для командировок, не отчитывались за их расходование. При командировках некоторым сотрудникам хозупра безотчетно выделялись, помимо положенных суточных и командировочных, весьма крупные суммы. Руководители хозупра их не считали и чувствовали себя «хозяевами жизни». За Капуллером был закреплен автомобиль, хотя такую привилегию имел далеко не каждый начальник его уровня. В Шарташском доме отдыха для руководителей хозупра Капуллера, Дорина и других готовились специальные улучшенные обеды, каких не видел даже отдыхающий там областной партактив.

Капуллер вместе с женой, тещей, братом и двумя детьми занимал весь этаж дачи, полностью обставленной, с большим залом и ванной. Для развлечений служил иностранный патефон с большим количеством пластинок. Хотя у Капуллера была личная постоянная прислуга, для обслуживания его семьи дополнительно выделялся работник дома отдыха. Когда заведующий хозупром направлялся в баню, то она (хоть и предназначалась для всех проживавших или работавших в доме отдыха) закрывалась для других посетителей на весь день. Баню украшали букетами цветов, расстилали там дорогой бархатный ковер, застилали все лавки в бане и предбаннике простынями, устанавливали дополнительные зеркала. Для помывки столь ценного сотрудника использовался специально приобретенный дорогостоящий таз. Сотрудников хозупра, прежде всего работников складов, Капуллер напутствовал: «Ешьте, берите сколько нужно, но крепко держите язык за зубами». И те ели, получали путевки в южные санатории и денежные пособия, а по возможности... потихоньку приворовывали [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 19—20, 33—34, 59, 62, 79—80, 83, 85—87, 94, 169—170, 184, 208]. В ходе проверки хозупра была выявлена масса фиктивных счетов. Часть финансовых документов была уничтожена или нужным образом подправлена: во время проверки органами партконтроля и совконтроля шестеро сотрудников хозупра занимались «подгонкой отчетности» — уничтожали и фальси-

фицировали документы, где были отражены слишком высокие запросы областного начальства (тех, кто снабжался по так называемому первому списку). Со слов Капуллера, поначалу отрицавшего этот факт, манипуляции касались снабжения «группы работников» из 9—10 человек, чтобы за ними не числился «перебор». Допрошенные участники фальсификаций конкретных фамилий тоже не называли — говорили лишь о неких «руководителях областных организаций» [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 116—117, 138—143, 163, 171—185, 207]. Поэтому подлинные масштабы снабжения «областных вождей» были значительно выше, нежели те, что нашли отражение в материалах проверки.

4

Таким образом, хозупр направлял огромные ресурсы на материально-бытовое обслуживание уральской партноменклатуры. Откуда брались такие гигантские суммы и продовольственные ресурсы в региональных властных структурах? Ведь еще в конце 1920-х гг. ухудшилось продовольственное положение населения. В начале 1930-х в целом ряде районов Урала крестьяне были вынуждены питаться крысами, домашними животными (кошками, собаками), захороненными трупами павшего скота.

На почве голода получили распространение заболевания органов пищеварения и голодные отеки, свирепствовали эпидемии инфекционных заболеваний, имелись факты самоубийств и каннибализма. Ухудшение продовольственного снабжения коснулось и городского населения, занятого в промышленности. Голод, хотя бы в латентной форме (хроническое недоедание, белковое, витаминное голодание), пришлось пережить большей части населения. Партийно-государственные структуры и силовые ведомства фиксировали смертность вследствие голода. Наибольшее сокращение числа рождений в Уральской области дали «голодные» 1932 и 1933 гг., а в самом критическом 1933-м смертность превысила рождаемость [3; 4].

Но эти проблемы не касались руководящих работников региональных властных структур.

Хозяйственное управление Уральского (Свердловского) облисполкома получало колоссальные средства из областного бюджета. Бюджетные ассигнования хозупру на 1933 г. были предусмотрены в размере 4,6 млн рублей (а именно — 4 551 151 рубль). Фактически же хозупр из областного бюджета получил даже больше этой суммы — 5 638 854 рубля, т. е. дополнительно более 1 млн рублей. На 1934 г. было запланировано поступление из бюджета почти 4 млн (3 985 530) рублей. Из них за первое полугодие хозупр должен был израсходовать почти 2 млн (1 995 607) рублей, но фактически получил значительно больше — 2 872 425 рублей (по данным областной прокуратуры — 2 982 445). Иначе говоря, как и в предыдущем, 1933 г., имело место дополнительное финансирование хозупра из областного бюджета. Сверхплановое финансирование производилось в соответствии с постановлениями президиума облисполкома,

а также по распоряжениям председателя облисполкома В. Ф. Головина и секретаря облисполкома В. Степанова [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 100—101, 203].

Кроме того, 27 апреля 1934 г. президиум облисполкома разрешил хозупру для осуществления капитального строительства в подсобных хозяйствах получить из Коммунального банка краткосрочную ссуду в размере до полумиллиона рублей сроком на семь месяцев. Банк выделил хозупру 375 тыс. рублей, которые были израсходованы не по назначению [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 202—203].

Тем не менее средства, выделявшиеся в официальном порядке, какими бы огромными они ни были, не удовлетворяли материально-бытовые запросы областного начальства. Важнейшим источником поступления денежных средств и материальных ресурсов в хозупр являлись многочисленные хозяйственные организации и государственные учреждения, расположенные в области.

На протяжении трех лет хозяйственное управление облисполкома под различными предлогами (проведение совещаний и мероприятий, улучшение быта партактива и т. д.) получало средства от хозяйственных организаций. По оценкам партконтроля, за 1933 г. в распоряжение областного хозупра поступило почти 700 тыс. рублей, за первое полугодие 1934 г. — без малого 284 тыс. рублей.

Среди выделивших наибольшие суммы в первом полугодии 1934 г. были: Востокосталь — 40 тыс. рублей, Уралцветмет — 34 тыс. рублей, Уралосновхим (Союзное объединение основной химической промышленности на Урале, куда входили около десятка химических заводов и комбинатов, а также горных предприятий и институт «Унихим») — 30 тыс. рублей, областное земельное управление — 34,2 тыс., Уральский облпрофсовет — 35 тыс., Свердснабсбыт и аппарат уполномоченного Наркомтяжпрома — по 20 тыс., лечкомиссия — 14 тыс., Хлебострой — 12 тыс., Союзасбест — 10 тыс., Уралмедторг и Союзмука — по 8 тыс. рублей. Были обложены «данью» даже облсобес, Госарбитраж и издательство «Уральский рабочий». В списке из трех десятков организаций значились также Уралмаш, Уралэнерго и ВИЗ, но суммы, ими внесенные, не указаны. Возможно, эти предприятия расплачивались иными способами: к примеру, Эльмашстрой, который должен был перечислить 14,4 тыс. рублей, откупился недостроенным домом [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 41, 97, 193—194, 222].

При этом лишь один управляющий Уралосновхимом Воропаев счел нужным подстраховаться, заручившись разрешением от заместителя наркома тяжелой промышленности С. А. Ратайчака. Остальные действовали по собственному разумению. Так, в Союзасбесте деньги были изъяты из премиального фонда, в Союзмуке — из сверхплановых прибылей [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 193].

За передачу областному хозупру денежных средств и материальных ресурсов руководители хозяйственных организаций получали «откаты» — возможность с семьями бесплатно проживать на элитных

дачах и в домах отдыха, пользуясь всеми благами наряду с партийной и советской элитой. Так, директор облнарпита Гендель, снабжавший номенклатурные столовые продуктами, отоваривался со склада хозупра и бесплатно проживал в Шарташском доме отдыха. Работники Востокостали предоставляли материалы и денежные средства, бесплатно получали за это от хозупра продукты. Управляющий Свердловским отделением Комбанка, беспартийный Казанцев за незаконное предоставление ссуд был прикреплен к столовой руководящего партийного актива, пользовался дачей на Шарташе и получал продукты на дому [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 97; Д. 28а. Л. 278].

В хозяйственную деятельность хозупра были вовлечены областные торгово-снабженческие организации. Крупным поставщиком продуктов являлся облснаб, который по заявкам хозупра только за неполный 1934 г. предоставил более 120 т муки, почти 52 т крупы, 46,5 т мяса, более 36 т рыбы, 15,5 тыс. штук рыбных консервов, почти 11 т масла, 4,5 т сыра, почти 25 т кондитерских изделий, 46,5 т сахара [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 198—199].

Закупки производились и через отраслевые объединения, минуя облснаб. В 1933 г. в областной конторе «Табакторгснаб» хозупр закупил табачных изделий, предназначенных для снабжения рабочих, на 73 тыс. рублей, в 1934-м — на 70 тыс. рублей. В областной конторе «Союзхлопкосбыт» во внеплановом порядке в 1933 г. было приобретено из фонда рабочего снабжения шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей и изделий на 62 тыс. рублей, в 1934-м вновь было приобретено 80 кип хлопчатобумажных, 28 кип шерстяных и 97 кип шелковых тканей. От свердловской конторы «Мясоснабсбыт» без нарядов было получено мяса, копченостей и различных мясопродуктов 6182 килограмма. Закупки велись с нарушением плановой дисциплины, руководителей организаций заставляли продавать хозупру так называемые планируемые товары вне плана [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 98—99, 197].

5

Далеко не все, что закупалось, поступало для внутреннего потребления. Для получения прибыли часть приобретенных хозупром товаров перепродавалась с наценкой. Так, в 1934 г., по данным областной прокуратуры, было продано почти 14 т муки, более 1 т крупы, свыше 1 т хлеба, 1,5 т мяса, 1,7 т масла, 1,2 т копченостей, 1,7 т сахара (вероятно, эти показатели были осознанно занижены, в материалах партконтроля эти цифры значительно выше: так, муки было продано более 30 т, мяса — 10 т, масла — 4,7 т, копченостей — 2,7 т, хлеба — свыше 1,5 т, сахара — 9 т и т. д.). На тысячи и десятки тысяч рублей продавались вина, папиросы и другие товары. Среди покупателей товаров с наценкой — такие организации, как Востокосталь, Кизелуголь, Средуралмедьстрой, Златоустстрой, Уралэнерго, Союзмясосбыт, Хладоцентр, Челябинский облисполком и др. [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 38, 196—197].

Для проведения спекулятивных операций в составе хозупра содержался штат из постоянных торговых представителей в Москве и Ленинграде, а также разъезжавших по городам торговых агентов. Агенты командировались в крупные города — Одессу, Харьков, Баку, Тифлис и другие — для приобретения там товаров и дальнейшей перепродажи их в Свердловске. Так, закупленные на Кавказе мандарины с наценкой были проданы Свердторгу и горпотребсоюзу. Привезенные из Одессы линолеум, коврики и дорожки перепродавались Верх-Исетскому заводу, заводу им. Воеводина, горпотребсоюзу и др. Перепродавались яблоки, табачные изделия, вина, майки и трусы. Хозуправление наживалось даже на снабжении советских учреждений и различных организаций канцелярскими изделиями, в частности на скоросшивателях и бумаге, покупая их по себестоимости и продавая в два-три раза дороже [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 98—99].

Установить точные суммы доходов и расходов хозупра ни партконтролю, ни областной прокуратуре не удалось. Дело в том, что официально через бухгалтерию проходили лишь незначительные средства. Основная часть денежных потоков шла через «карманную бухгалтерию» начальника хозупра Капуллера и его заместителя Дорина — через их личные счета, открытые в банках. Через личный счет Капуллера за два года прошло почти 900 тыс. рублей, по счету Дорина только за 1933 г. — 1 726 802 рубля [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 37].

В Уральском обкоме ВКП(б) существовала своя «черная касса», денежные средства по которой проходили вне утвержденной ЦК ВКП(б) сметы и не учитывались должным образом. Обороты по этой «кассе» только за 1933 г. составили 248 609 рублей. Распорядителем средств, находившихся на специальном счете в банке, являлся управляющий делами обкома Замотаев, а техническую работу выполнял главный бухгалтер этого же управления Зырянов, у которого хранилась вся документация [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 35. Л. 243—244].

Разумеется, руководители предприятий и организаций, оказывавших услуги партийному начальству, внакладе не оставались. Они чувствовали себя полноправными хозяевами в своих владениях, вовсю пользовались государственными ресурсами в личных целях, устанавливали свои порядки и расправлялись с неугодными. Они могли не опасаться, что жалобы на них пойдут в вышестоящие партийные инстанции, где сидели «свои», давно уже прикормленные начальники.

В качестве примера можно привести трест «Востокосталь», управляющий которого Яков Павлович Иванченко обильно спонсировал как руководящую верхушку области, так и местный партаппарат. Только в 1934 г. Востокосталь выплатила секретарю Нижнетагильского горкома ВКП(б) М. В. Кузнецову 3,2 тыс. рублей, одарила его часами и фотоаппаратом. Секретарь Чусовского горкома М. В. Мальцев получил 1,7 тыс. рублей и фотоаппарат, секретарь Первоуральского райкома П. Н. Чернецов — 500 рублей, часы и фотоаппарат. 35 тыс. рублей Востокосталь перечислила Надеждинскому горкому ВКП(б). Всего на денежные выплаты различным работникам трест израсходовал более 260 тыс. рублей, на вечера

и банкеты — почти 24 тыс. Востокосталь приплачивала — вероятно, за какие-то услуги — даже работникам НКВД: сотрудник Кончаль получил 1 тыс. рублей, а начальник спецссылки Мовшензон — легковой автомобиль.

Заплатив «дань», Я. П. Иванченко получал возможность распоряжаться огромными ресурсами Востокостали в личных целях. Управляющий трестом имел в Госбанке личный счет, по которому только за 10 месяцев 1934 г. израсходовал более 145 тыс. рублей. Из средств Востокостали на содержание дач управляющего и двух его заместителей за полгода было потрачено 230 тыс. рублей. Руководители и служащие центрального аппарата Востокостали менее чем за год получили в виде денежных выплат как минимум 214 тыс. рублей (по результатам проверки только двух фондов) — это больше, чем получили все работники многочисленных предприятий Востокостали. Не самый высокопоставленный человек в тресте — управляющий делами Новокшенов за неполный год получил свыше 2 тыс. рублей, двое часов, дефицитные и недешевые в то время фотоаппарат и велосипед. Кроме того, с него было списано подотчетных, но не оправданных документами более 7 тыс. рублей, и погашена квартплата на 1,3 тыс. рублей [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 100. Л. 24—25].

6

Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области Л. А. Папардэ, чей аппарат в 1934 г. выявил многочисленные коррупционные преступления, докладывал в Москву: «Ввиду того, что факты небольшевистского отношения к расходованию государственных средств, особенно по спецфондам, являются не единичными, а вошли в повседневную практику и быт Востокостали и его предприятий, и что они обусловлены бесконтрольностью и либеральным отношением со стороны аппарата Наркомтяжпрома к подобного рода нарушениям финансовой дисциплины, считаю необходимым, чтобы КПК своим решением ударила по этим нездоровым явлениям, тем более, что они присущи не только Востокостали» [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 100. Л. 24].

Партконтроль выдвинул обвинения не только против руководства хозупра, но и замахнулся на первых лиц области. «За деятельность хозупра должен нести ответственность председатель облисполкома т. Головин, который не только не принимал мер к прекращению творившихся там безобразий, но допускал нарушение финансово-бюджетной дисциплины и принимал обильные услуги подхалимствующих работников хозупра, тем самым поощрял бесконтрольное расходование хозупром государственных средств и использование работниками хозупра своего служебного положения в личных целях», — отмечал Л. А. Папардэ в докладной записке, отправленной на имя И. Д. Кабакова, второго секретаря обкома В. А. Строганова и самого В. Ф. Головина [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 219]. Среди других ответственных лиц Папардэ назвал заведующего советско-торговым отделом обкома Н. Н. Мизенко. И хотя в

этой и других подобных записках, уходивших в обком, не упоминались все расходы хозупра на обслуживание первых лиц области, в частности на строительство и обустройство «царских дач» на Шитовском озере, руководители обкома имели все основания опасаться раскручивания «дела».

Разумеется, И. Д. Кабаков сделал все, чтобы спустить «дело» на тормозах. Пока шло расследование партконтроля и областной прокуратуры, Свердловский облисполком спешно своими постановлениями «узаконил» многочисленные торгово-финансовые операции, совершенные хозяйственным управлением. Областная прокуратура под руководством прокурора Г. И. Леймана не только не проявила рвения в расследовании по «делу», но и закрыла глаза на некоторые представленные партконтролем материалы, например о спекулятивных операциях хозупра, о масштабе разворовывания средств руководством хозупра. Тяжесть некоторых обвинений была сглажена.

В обвинительном заключении по «делу» фигурировали лишь семь человек — руководители и рядовые работники хозупра. Довершил начатое прокуратурой областной суд, состоявшийся в декабре 1934-го — январе 1935 г. Суд признал «проступки» обвиняемых «следствием несовершенства постановки системы учета и отчетности в порядке снабжения лиц через хозуправление» и решил, что «благодаря вмешательству партконтроля и обкома партии эти система и порядок значительно улучшены и резко изменены». Приговором суда фигуранты были осуждены к трем и шести месяцам исправительно-трудовых работ, некоторые оправданы. В действиях главного фигуранта — Леонида Осиповича Капуллера — областной суд не усмотрел корыстных мотивов и личной заинтересованности и объявил ему общественное порицание [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 58—62, 130—136, 180—187, 212—217, 237—242].

Капуллер, правда, решением свердловского партконтроля лишился партбилета, но был назначен областными властями заведующим Деловым клубом и одновременно директором ремонтного завода «Уралэнерго». В частных беседах Капуллер не скрывал, что ему покровительствуют первые лица области, что в театре музкомедии он встречался с «большим хозяином». Хвастался своей победой в противостоянии с партконтролем и пытался восстановиться в партии [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28а. Л. 270, 319—319 об.; Д. 299. Л. 93; Д. 430. Л. 60—60 об., 94, 97—98, 105, 153—158].

Приговор Свердловского областного суда Л. А. Папардэ счел «беспримерным в практике советского суда крючкотворством и издевательством над линией партии и советскими законами». Папардэ обращался к секретарю партколлегии КПК при ЦК партии М. Ф. Шкирятову и прокурору СССР И. А. Акулову с просьбой о пересмотре решения суда. Он обвинял свердловский суд в обмане, подтасовках и отрицании «неоспоримо доказанных фактов», имеющих целью «выручить попавших в беду жуликов из хозупра» [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28а. Л. 269—275]. Но все оказалось тщетным. Эту битву он проиграл. Под нажимом ли или по своей воле, но в 1935 г. Л. А. Папардэ покинул Свердловскую область.

Однако труд Папардэ и его сотрудников, проделавших колоссальную работу по выявлению и документированию коррупционных преступлений во властных структурах, не был напрасным. В начале 1937 г. материалы по «делу Свердловского облисполкома» были востребованы органами НКВД и вновь были вынесены на повестку дня свердловского партконтроля. На сей раз к прежним обвинениям в адрес фигурантов добавились новые — в буржуазном перерождении и троцкизме, в контрреволюционной деятельности [ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28а. Л. 283—309, 318; Д. 299. Л. 96, 111—117]. Руководители Свердловской области, включая И. Д. Кабакова и В. Ф. Головина, в 1937 г. были расстреляны, Л. О. Капуллер отправился в лагеря. В середине 1950-х они были реабилитированы как невинные жертвы сталинского режима.

Принятые сокращения

ЛСПО — Ленинградский совет потребительских обществ.

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Литература

1. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. : стенографический отчет. М., 1934.

2. **Аристов А.** Незабываемое // Урал. 1981. № 5.

3. **Баранов Е. Ю.** Крестьянство, социальные трансформации и голод в начале 1930-х гг. в СССР : на материалах Урала // Genesis: исторические исследования. 2019. № 1.

4. **Баранов Е. Ю.** Факторы и индикаторы продовольственных кризисов на Урале в период форсированной индустриализации // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. : материалы XII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2014. Т. 1.

5. **Давыдовская М.** Забвение красоты // Красное знамя. 1993. 01.07.

6. **Килина А.** Дача для товарища Кабакова: факты и легенды // Веси. 2014. № 8.

7. **Кулаков Н.** Кабаковская дача // Красное знамя. 1993. 02.03.

8. **Кулаков Н.** Кабаковская дача // Красное знамя. 1993. 04.03.

9. **Сушков А.** Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Веси. 2013. № 6. ◆